

4 июня 1982 г.

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Советскому читателю известно почти все из литературного наследия Джека Лондона. И все же мне удалось разыскать две неизвестные его литературные заметки. Написаны они были уже знаменитым писателем в 1911 и 1916 годах.

Путь Д. Лондона в литературу — мучительный путь проб, эфемерного успеха, ошибок. Но вот уже написаны «Мартин Иден», «Морской волк», «Железная пята», сборники его чудесных рассказов. У него было что вспомнить из пережитого и что посоветовать писателям, начинающим свой путь в капиталистической Америке...

Виль БЫКОВ

Джек ЛОНДОН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Предисловие к «Испеченному доллару»

Нет, в самом деле, я с удовольствием пишу предисловие к сборнику новелл мистера Х. Д. Умбстетера. Его рассказы печатались в журнале «Черный кот»¹, а это значит многое. Сфера интересов «Черного кота» уникальна, и рассказы «Черного кота» стоят особняком от других рассказов. Хотя м-р Умбстетер и не является, вероятно, создателем жанра этих рассказов, он открыл перед ними все возможности и открыл многих писателей. Он, признаюсь, открыл и меня. Спас мою литературную карьеру, если буквально не жизнь спас мне. Нет, думаю, он повинен и во втором преступлении тоже.

Долгие месяцы, не имея ни малейшей практики, пытался я написать что-нибудь на продажу. Все мое имущество было заложено, у меня не хватало денег на еду. Я страдал умственно и физически от недоедания. В воскресном приложении я как-то прочитал, будто минимальная ставка, выплачиваемая журналами, составляет десять долларов за тысячу слов. Но в течение всех месяцев, пока я осаждал журналы, в ответ приходили лишь мои возвращенные рукописи. И, несмотря ни на что, я неизбежно веровал в то, что вычитал в воскресном приложении.

Как уже сказал, я дошел до точки, побитый, голодный, готовый вновь вернуться сгребать уголь или даже покончить с собой. Поскольку я был серьезно болен умом и телом, шансы все упорнее склонялись в пользу саморазрушения. И вот однажды утром ко мне пришло маленькое тоненькое письмецо из журнала. Этот журнал широко известен в стране. Его основал Брет Гарт. Он продавался по 25 центов за номер. В него мною был послан один рассказ в четыре тысячи слов — «За тех, кто в пути». Желания мои были скромными. Когда я вскрывал конверт, то рассчитывал найти в нем чек не более чем на сорок долларов. Вместо этого меня сухо информировали (полагаю, это был помощник младшего редактора), что мой рассказ «подходит» и после публикации мне за него заплатят пять долларов.

Теперь мне яснее виден конец. Воскресное приложение солгало. Со мною было покончено, как и должно быть с очень молодым, очень больным и очень голодным молодым человеком. И я думал, что же делать; слишком измученный, чтобы придумать что-нибудь подходящее, я окончательно решил, что брошу писать. И вот тогда, в тот самый день, тем же вечером почта принесла мне маленькое тоненькое письмецо от мистера Умбстетера из «Черного кота». Он сообщал, что посланный ему рассказ в четыре тысячи слов скорее слишком длинен, нежели силен, но в случае, если я дам согласие сократить его наполовину, он немедленно вышлет мне чек на сорок долларов.

Дам согласие! Это же все равно, что по двадцать долларов за тысячу слов, иными словами, вдвое больше минимальной ставки. Дам согласие! Я сообщил м-ру Умбстетеру, что он может урезать обе половины, пусть только поскорее шлет деньги, что он и сделал обратной почтой. Вот слово в слово, каким образом и почему я остался на литературном поприще...

И для многих писателей, впоследствии завоевавших общенациональную известность, «Черный кот» послужил спасительной опорой. Великолепную, невероятную вещь делал м-р Умбстетер: он судил рассказы по их достоинствам и по достоинствам оплачивал. Но, кроме того, — а это способен оценить лишь живущий впроголодь писатель, — он платил немедленно по одобрению.

Что касается рассказов этого тома, то пусть они говорят сами за себя. Ведь это рассказы из «Черного кота». Лично я гораздо больше беспокоюсь о людях, нежели о самом лучшем из зрелых рассказов. Вот почему это предисловие и посвящается мною мистеру Умбстетеру — Человеку.

¹ «Черный кот» — журнал, издававшийся в Бостоне в конце XIX — начале XX века и печатавший остросюжетные произведения.

Восемь факторов литературного успеха

Я родился в Сан-Франциско в 1876 году. Едва ли не первое, что я уразумел, — это ответственность. Не помню, учили меня читать и писать или нет, но пяти лет я умел и то, и другое. В детстве на ферме я с восьми лет узнал тяжелый труд.

Тата к приключению достигла во мне такой силы, что я ушел из дома и примкнул к устричному пиратам, промышлявшим в заливе; плавал на шхуне матросом, махнул на промысел лосося, был впередсмотрящим, ходил под парусом в экспедицию к японским берегам на охоту за котиками. После семи месяцев плавания я возвратился в Калифорнию, где нанимался на временные работы по переброске угля, работал в порту грузчиком, а также на джутовой фабрике.

Потом я скитался по Соединенным Штатам от Калифорнии до Бостона, туда и обратно, и вернулся на Тихоокеанское побережье через Канаду, где провел месяц в тюрьме по обвинению в бродяжничестве. Мой опыт скитаний сделал меня социалистом. До этого времени я высоко ценил физический труд. Для меня работа была всем — и удовлетворением, и спасением. Со свободного Запада, где работа охотится за человеком, я проложил путь до перенаселенных центров восточных штатов, где человек

Джек Лондон. 1916 г.г.

охотится за какой ни на есть работой. Я увидел рабочих на человеческой свалке, на дне социальной пропасти; и я взглянул на жизнь с иной, совершенно новой точки зрения.

Мне было девятнадцать лет, я возвратился в Окленд и поступил в среднюю школу. Проучился там год, одновременно, чтобы прожить, служил привратником. Оставив среднюю школу, за три месяца усиленных занятий я прошел трехгодичный курс и был принят в Калифорнийский университет. Чтобы обеспечить себя, работал в прачечной и добывал на хлеб литературным трудом. Но нагрузка оказалась слишком велика, и через полгода я вынужден был уйти.

Три месяца спустя, придя к выводу, что как писатель я потерпел крах, я отказался от этого дела и уехал на Клондайк искать золото. Именно на Клондайке нашел я себя. Там никто не говорит. Все думают. Там обретаешь правильный взгляд. Обрел его и я.

В ответ на ваш вопрос о главных факторах моего литературного успеха, по размышлении, я заявляю, что они состоят в следующем:

Невероятное везение. Крепкое здоровье, добротный мозг, хорошее взаимодействие ума и тела. Бедность. Чтение книги «Синья» писательницы Уйды², когда мне было восемь лет. Влияние «Философии стиля» Герберта Спенсера. То обстоятельство, что начинал я на двадцать лет раньше, чем те ребята, что пытаются начать сегодня.

По всем приведенным причинам я всегда был правдив и ни на шаг — пусть малейший и ничтожнейший — не отступал от реальности: для меня это все равно что носить крахмальный воротник, натирющий шею. Несмотря на все мои отклонения, здоровье мое было прекрасным, потому что тело было крепким от рождения, жил я на свежем воздухе грубой, тяжелой жизнью и физически был натренирован.

Происхожу я из староамериканского рода, из английской и уэльской семей, которые прибыли в Америку задолго до французских и индейских войн. Такова природа моей хорошей головы.

Нужда заставила меня быть поворотливым. И мое невероятное везение помешало мне покончить со мной. Ведь почти все мои приятели по устричному пиратству давным-давно повешены, застрелены, утонувли, погибли от недугов или же проводят свои преклонные годы в тюрьме. Любой из этих ударов судьбы грозил обрушиться и на меня, прежде чем минуло мне семнадцать лет; мне страшно повезло.

Читайте «Синью» Уйды. Я прочел ее восьми лет. Книга начинается так: «Он был всего лишь мальчонкой». Мальчонка этот — итальянский крестьянин-горец. Он стал таким художником, что вся Италия оказалась у его ног. Когда я читал об этом, я сам был крестьянским мальчонкой на бедном калифорнийском ранчо. Чтение повести раздвинуло мои дотоле узкие горизонты и раскрыло передо мной весь мир — только дерзай. И я дерзнул.

Читайте «Философию стиля». Она научила меня разнообразным искусным приемам превращения мысли, красоты, ощущений и эмоций в черные символы на белой бумаге, а эти символы, проникая через посредство глаз в мозг читателя, приводят к взаимодействию с моим мозгом. Кроме всего прочего, она научила меня познанию ума моего читателя — для того чтобы я смог выбрать самые нужные символы, которые лучше всего заставят его мозг понять мою мысль, мой взгляд, мои чувства. Я также постиг, что более всего подходят такие символы, которые требуют у читателя менее всего умственной энергии, оставляя максимум ее на то, чтобы осознать и насладиться содержанием моего ума, сообщенного его уму.

Два слова современному писателю: на одного умного писателя двадцать лет назад сегодня придется пятьсот таких же умных писателей. Ныне блестящее сочинение тонет в море подобных блестящих сочинений. Во всяком случае, так мне кажется.

С английского.
Перевод В. БЫКОВА

² Уйда — псевдоним известной английской писательницы Луисы Де ла Раме (1839—1908).